

Таковы, например, некоторые из публикаций Н. М. Дылевского⁶ и Боню Ст. Ангелова.⁷

В одной из своих публикаций Н. М. Дылевский писал: «Открытые параллели к подозреваемому в извращении месту в тексте первого издания „Слова о полку Игореве“ помогают нам рассеять сомнения тех, кто хочет видеть в „Слове“ поздний и претенциозный фальсификат. . . В свете новых свидетельств слово „шестокрилицы“ в „Слове о полку Игореве“ не может быть принято как мысль, случайно возникшая в уме мнимого фальсификатора, поставившего его в не совсем удачном на первый взгляд текстовом соседстве. Напротив, оно живая форма, сохранившаяся в народном творчестве двух славянских народов».⁸

Совершенно изолированным остается в болгарской литературе мнение Михаила Арнаудова о позднем происхождении «Слова». Под сильным влиянием французского ученого-слависта Андре Мазона Арнаудов высказывает мнение, что «Слово» представляет позднюю фальсификацию конца XVIII в. Согласно с Мазоном Арнаудов утверждает, что это сочинение — мистификация, написанная в конце XVIII в. высокообразованным русским писателем, взявшим за образец старорусское произведение с воинским сюжетом — «Задонщину». О позиции Арнаудова хорошо говорит еще самое заглавие его статьи «Достоверна или подправена поема? Потеклото на руското „Слово о полку Игореве“ в осветлението на проф. А. Мазон».⁹ Передавая кратко содержание и аргументы двух вышедших до того времени статей Андре Мазона, Михаил Арнаудов обобщает: «Мы имеем вполне определенное впечатление, что г. Мазон стал на твердую почву и имеет на своей стороне истину. Филолог и литературный историк с доказанной опытностью, он идет — без боязни быть обвиненным в какой-либо ереси — поднять завесу, покрывающую реальный лик поэмы, чтобы показать, что эта поэма вовсе не освещена никакой стариной и что все то, что в ней действительно хорошего, является чужим созданием, известным в почти полном своем составе еще до появления „Слова“ . . . И мы верим, что то, что нам и другим казалось раньше самым правильным разрешением проблемы, теперь получает окончательное и неопровержимое подтверждение (разрядка моя, — Б. А.)».¹⁰ Тут следует отметить, однако, и то, что в прежних своих публикациях М. Арнаудов стоит на прямо противоположной точке зрения. В своей работе «Очерки по българския фолклор» 1934 г., говоря о Симеоновом сыне Бояне, он писал: «Этот Боян или Баян едва ли имеет, однако, что-либо общее со сказочным поэтом Бояном, о котором идет речь в русском эпическом „Слове о полку Игореве“ XII в. . . Метафорические выражения в данном случае показывают смелое воображение старорус-

⁶ Н. М. Дилевски. 1) Едно неясно място в «Слово о полку Игореве». — Известия на дружеството на филолозите-слависти в България, кн. I. София, 1942, стр. 72—79; 2) «Бусым» или «босом волком» в «Слово о полку Игореве»? — Известия на Камарата на народната култура, серия хуманитарни науки, т. IV, № 5. София, 1947, стр. 25; 3) «Ратаевъ кикахуть» и «а злата и сребра ни мало того потрепати» в «Слово о полку Игореве». — Годишник на Софийския унив. Историко-фил. фак., т. XLII. София, 1946, стр. 15; 4) Бележки върху «Слово о полку Игореве». — Известия на Института за българска литература, кн. III. София, 1955, стр. 97—112.

⁷ Боню Ст. Ангелов. 1) «Слово о полку Игореве» и някои южнославянски успоредици с него. — Известия на Института за българска литература, кн. III. София, 1955, стр. 178—182; 2) Бележки върху «Слово о полку Игореве». — Известия на Института за българска литература, кн. V. София, 1957, стр. 456—474.

⁸ Н. М. Дилевски. Бележки върху «Слово о полку Игореве», стр. 103, 110.

⁹ Българска мисъл, XIV, 1939, кн. V—VI, стр. 290—297.

¹⁰ Там же, стр. 297.